

Маяковского—его теоретических взглядов и худ. творчества.

Проблема «Чаренц и Маяковский» не раз освещалась в армянском литературоведении, но нередко ршлась односторонне, прямолинейно, лишь в аспекте влияния Маяковского на Чаренца. Г. Анания не подходит к решению вопроса с готовыми мерками: его выводы вытекают из исследования особенностей национально-общественной жизни, формировавшей как Маяковского, так и Чаренца, из закономерностей творческой эволюции каждого поэта. Некоторую общность тем, мотивов и выразительных средств в поэзии Маяковского и Чаренца критик отнюдь не всегда объясняет влиянием. «К революции,—пишет Анания,—Маяковский и Чаренц пришли независимо друг от друга, разными путями, хотя и не без сходных моментов в творчестве» (стр. 197). Точно так же определенную близость чаренцевских «Сомы» и «Ненстовых толп» «Мистерии—Буфф» Маяковского критик объясняет закономерностями развития советской литературы первых послеоктябрьских лет, тем, что и Маяковский, и Чаренц «бзоговорочно приняли революцию, воспринимали действительность под светом Октября» (стр. 187). Что же касается ряда произведений Чаренца, созданных в 1921—1924 г., («Романс без любви», «Позозурна» «Комальманах» и др.), то в них, как показывает исследователь на примерах, были творчески использованы некоторые особенности поэтической манеры Маяковского.

Как художник и как личность Маяковский постоянно находился в сфере пристального внимания армянского поэта, о чем свидетельствуют приведенные в монографии материалы из архива Чаренца. Но творческое влияние Маяковского длилось в поэзии Чаренца недолго. Г. Анания раскрывает суть внутренней полемике Чаренца с Маяковским: «Оценивая значение и величие того, что сделал Маяковский, не считая это уже завоеванным этапом, Чаренц понимал, что советская литература должна стремиться к синтезу современной тематики с более сложными и многообразными средствами художественного выражения» (стр. 236). И—далее: «Творчески усвоив все лучшее, что давала школа Маяковского, армянский поэт требовал отка-

заться от необязательных, хотя и неизбежных заблуждений, от шума и дешевых эффектов в поэзии... и проникнуть во внутренний мир «живого человека», искать «дух времени» в психологии человека» (стр. 250).

Поиски путей создания глубокого, полнокровного современного искусства, ознаменовавшие новый этап в творчестве Чаренца («Эпический рассвет») привели Чаренца к Пушкину и Некрасову. «Пушкин и Чаренц», «Чаренц и Некрасов»—эти вопросы рассматриваются в третьей главе книги, охватывающей творчество Чаренца второй половины 20-х и начала 30-х гг. Чаренц, как показано здесь, творчески воспринял в «Эпическом рассвете» некоторые художественные приемы пушкинской поэзии. Но главным исследователем считает особую живительность и плодотворность пушкинских традиций в формировании новых взглядов Чаренца на роль и сущность искусства, истинного назначения поэта. «Пушкин,—пишет Анания,— был для Чаренца классическим примером художника, чей талант синтезировал характерные черты времени... в человеческой психологии» (стр. 277), он был для Чаренца идеалом поэта, создавшего истинные образцы искусства, имеющие непреходящую ценность.

Раскрывая Чаренцевское понимание и восприятие личности и поэзии Пушкина, Г. Анания широко использует материалы, сохранившиеся в архиве поэта.

Критик рассматривает и переводы Е. Чаренца из русских поэтов. Анализируя их, он исходит из правильных принципов, требую от перевода не буквальной точности, а верности духу оригинала. Хотелось бы, однако, чтобы в исследовании был затронут вопрос и о том, чем именно был обусловлен выбор Чаренцем тех или иных произведений русских авторов для перевода. Ведь у такого поэта, как Чаренц, вопрос выбора первоначальных произведений не мог быть случаен и определялся его общественно-литературными вкусами и пристрастиями.

Монография Г. Анания является первым обширным исследованием, в котором поновому и убедительно раскрыты важные аспекты проблемы «Чаренц и русская литература».

М. ДЖАНПОЛЯДЯН

П. Н. ДЕНИСОВ, В. В. МОРКОВИН, Ю. А. САФЬЯН. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики, М., Изд. «Русский язык». 1978, 408 стр.

Первыми частотными словарями, отражающими профессиональную специфику употребления лексических средств языка, явились «Частотный словарь общенаучной лексики» под общей редакцией Е. М. Степановой (М., 1970; далее ЧСОЛ) и «Частотный словарь русской технической лексики» Ю. А. Сафьяна, доцента Ленинского

ского педагогического института имени М. Налбандяна, изданный в Ереване в 1971 году (далее ЧСТЛ). Оба эти словаря легли в основу «Комплексного частотного словаря русской научной и технической лексики» П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, Ю. А. Сафьяна (М., «Русский язык», 1978, 408 с.; далее КЧС), структура кото-

рого была предложена В. В. Морковкиным. Им же совместно с Ю. А. Сафьяном были разработаны процедуры совмещения словарей и грамматической характеристики слов. Как отмечается во введении к КЧС, вся практическая работа по созданию этого словаря была осуществлена Ю. А. Сафьяном. П. Н. Денисов принимал участие в обсуждении спорных вопросов составления Словаря, а также в организационных мероприятиях, предшествовавших его изданию. В работе по подготовке рукописи Словаря к печати участвовал и старший преподаватель кафедры иностранных языков Ленинградского педагогического института С. С. Григорян.

Создание частотного словаря—дело весьма сложное. Трудности, с которыми обычно сталкиваются составители частотных словарей, обусловлены, во-первых, нерешенностью ряда принципиально важных лингвистических проблем (границы слова, полисемия и омонимия, определение устойчивого словосочетания, преобразование текстового слова в словарное и т. п.) и, во-вторых, недостаточной разработанностью строго научных критериев организации выборки, подвыборки, их состава и длины, обработки данных, представления полученной статистической информации и т. п.

ЧСОЛ и ЧСТЛ, выбранные в качестве источников для КЧС, являются единственными частотными словарями русской общенаучной и общетехнической лексики, опирающимися на стандартную репрезентативную выборку, и, кроме того, они составлены на основе одной и той же методики организации выборки, лингвостатистического анализа текста, преобразования слова в словарное и т. п. Оба частотных словаря-источника созданы по методике, предложенной Р. М. Фрумкиной и детализированной Э. А. Штейнфельдт в ее работе над «Частотным словарем современного русского литературного языка». Общая длина текстов, обследованных при составлении каждого из словарей-источников—400000 словоупотреблений. Этот массив складывался в обоих словарях из 200 частей—выборок по 2000 словоупотреблений каждая.

В основу КЧС положен широко применяемый ныне как для получения сводных частотных перечней, так и при отборе словников учебных словарей и минимумов метод совмещения данных частотных списков, полученных разными исследователями в разное время. Широкое использование этого метода объясняется тем, что он позволяет, с одной стороны, увеличить объем выборки и тем самым повысить статистическую ценность вновь получаемых списков, а с другой—в известной степени нейтрализовать особенности совмещаемых списков, обусловленные тематической спецификой проанализированной литературы.

Основная часть КЧС представляет собой упорядоченные различным образом лексические списки, а также обобщенные статистические характеристики, которые даны в форме таблиц. Этой части предпос-

ланы Введение, статья Построение словаря, списки условных сокращений и условных обозначений. Лексические списки (а их 4) таковы:

1. Список наиболее употребительных слов научной и технической литературы по убывающей частоте (3047 единиц);
2. Список наиболее употребительных слов научной и технической литературы по алфавиту (3047 единиц);
3. Общий обратный список наиболее употребительных слов научной и технической литературы, т. е. по алфавиту графического исхода слова (3047 единиц);
4. Обратные списки наиболее употребительных в научной и технической литературе существительных, прилагательных и глаголов (по алфавиту графического исхода основы).

В первом списке слова располагаются по убывающей частоте. При каждом слове имеется указание на ранговое число и на показатели частоты (сколько раз слово встречалось в обследованных текстах), распространенности (в каком количестве встретилось слово) и диапазона употребления (число отраслей знания, в которых встретилось слово). Так, словом первого ранга является предлог **в** с частотой 27 674, встреченный в 384 выборках, употребленный в 11 отраслях знания; слово второго ранга—союз **и** с частотой 27 426, распространенностью—394 выборки, диапазоном употребления—11 отраслей знания.

Второй список представляет собой перечень тех же слов по алфавиту. Каждое слово здесь сопровождается отдельными по словарям-источникам (ЧСОЛ и ЧСТЛ) показателями частоты, распространенности и диапазона употребления, а также суммарными показателями тех же характеристик.

Несомненной заслугой составителей КЧС является подача в особой графе лексико-грамматической характеристики каждого слова, которая производится с помощью индексов, относящих слово к той или иной части речи, и квалификаторов при индексах, обеспечивающих более детальную дифференциацию грамматических характеристик слова, как-то: род, склоняемость, степень сравнения, вид и др. Следует признать, что правильной и обоснованной оказалась разработанная авторами КЧС особая процедура, имеющая целью снять (или значительно уменьшить) неопределенность грамматической атрибуции определенной части слов, обусловленную тем, что слова в картотеке ЧСОЛ представлены вне контекста, т. е. вне соотнесенности с определенными лексико-грамматическими классами и их категориями. Эта сложная процедура выполнена с использованием специальных уточнителей; светлого и темного кружков, подчеркивания и подстрочного примечания. Четко сформулированные правила и условия совершения этой процедуры (на с. 9—11) в работе с толковыми словарями русского языка (БАС, МАС, Ушакова и Ожегова) обусловили удачу авторов в грамматической атрибуции слов.

В третьем списке слова расположены в алфавитном порядке их графических исходов. Этот список снабжен индексами, которые показывают число исходов слов на одну, две и три буквы. Так, 361 слово оканчивается на **-ный**, 267—на **-ние**, 204—на **-ья**, 120—на **-ка**, 5 слов—на **-ж**, 2 слова—на **-жа**.

Четвертый список содержит перечень тех же слов, расположенных в алфавитном порядке по последней букве основы. Он также снабжен индексами, показывающими число исходов на 1, 2 и 3 буквы. Список включает в себя 5 частных списков: по алфавиту исхода основы у существительных, прилагательных в сравнительной и превосходной степени, кратких форм прилагательных и у глаголов. Этот выбор частей речи и их отдельных форм обусловлен тем, что данные об употребительности исходов их основ позволяют представлять их словообразовательные возможности, тогда как аналогичные данные для других частей речи тривиальны.

Наличие двух последних, обратных списков в книге важно и полезно: в сочетании со вторым списком слов по алфавиту КЧС даст максимально возможную информацию о грамматических свойствах слова, позволяет ответить на самые различные вопросы по русскому словообразованию и лексикологии и оказывает неоценимую помощь как изучающим, так и преподающим русский язык.

Во второй, синоптической части КЧС (с. 317—404) приводится 29 таблиц, которые представляют результаты проведенного статистического исследования в обобщенном, резюмирующем виде. Эти таблицы дают интересную и необходимую информацию о распределении грамматических классов в словаре и текстах; о частотности начала слов и грамматических категорий существительных, прилагательных, глаго-

лов, наречий, предлогов; о распределении гласных и согласных в начальных и конечных двубуквенных сочетаниях; о распределении слов по количеству слогов; о частотности исходов основ существительных, различных форм прилагательных, глаголов по 1, 2 и 3 буквам и др.

В основном удачна и система принятых сокращений, что немаловажно при чтении КЧС: взять хотя бы то, что знаменательные части речи, в отличие от служебных, обозначаются заглавными буквами. Но, право, когда **ед.** означает единственное число, а **мн.**—множественное число, то в сокращении **ч.**—число (встречается на с. 91 при глаголе **есть**, на с. 134 при глаголе **следует**, на с. 140 при глаголе **суть**) нет никакой необходимости. К сожалению, в целом в очень тщательно, добросовестно выполненную работу вкрались опечатки: в таблице «Частотность начала слова по двум буквам» под рангом № 241 вместо **шу** следует читать **ш**, а на с. 368 в заглавии таблицы 11А вместо «Частность»—частотность.

При знакомстве с КЧС можно судить как о правильности выдвинутых в предисловии к словарю теоретических основ, так и о новаторском характере систематизации и обработки материала, включенного в словарь.

«Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. 3047 слов» является неоспоримым вкладом в лингводидактику вообще и в учебную лексикографию и лексикостатистику в частности. Следующим весьма необходимым для практических нужд преподавателя русского языка в национальных группах неязыковых вузов представляется нам создание учебного словаря словосочетаемости общенаучных и общетехнических терминов.

Эл. ГРИГОРЯН,
Эд. ГРИГОРЯН